

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ 1991–2004 гг.

Европейская Россия

Под редакцией члена-корреспондента РАН Н. А. Макарова

МОСКВА 2009

Исследования Гнёздовского комплекса археологических памятников

Археологическое изучение памятников Гнёздова имеет долгую историю, которая, тем не менее, еще далека от завершения. За прошедшие годы изменилась методика полевых исследований, получили развитие научные идеи, высказанные на заре изучения Гнёздова, появились совершенно новые материалы и, как следствие, новые интерпретации, возникла необходимость корректировки и пересмотра некоторых сделанных ранее выводов. Отличительной особенностью полевых работ с конца 70-х гг. XX в. стали планомерные раскопки курганов и поселения, производимые одновременно. Правда, в разные годы приоритеты менялись. С начала 1990-х гг. основным объектом исследования стало Центральное поселение, в первую очередь, расположенная восточнее городища часть селища. Отметим, что результаты раскопок курганов с самого начала изучения Гнёздова и вплоть до относительно недавнего времени были практически единственной источниковой базой для различных построений о хронологии памятника, социальном и этническом составе оставившего его населения, ремесле, торговых связях и т. д.

Постепенно, особенно с развертыванием изучения культурного слоя гнёздовского поселения, источник-

вая база не только пополнилась за счет увеличения вещевой коллекции, но и расширилась. Общие итоги 125-летнего изучения Гнёздова были подведены относительно недавно одним из авторов этой статьи. Тогда же были высказаны некоторые соображения относительно перспектив дальнейшего изучения этого важного для истории Древней Руси памятника (Пушкина, 2001). В данном случае мы остановимся на некоторых наиболее интересных за последние 14 лет и значительных результатах работ Смоленской археологической экспедиции, уже частично освещенных в печати¹.

В 1995 г. начались комплексные исследования Гнёздовских памятников, включившие, кроме традиционных археологических, методы естественных наук. Одним из результатов сотрудничества со специалистами факультета почвоведения МГУ и Института географии РАН стало обнаружение следов древней пахоты под одним из курганов Днепровской курганной группы (Мурашева, Нефедов, 2002, с. 194). Курган Дн-52, расположенный на северном краю группы, содержал остатки погребения по обряду сожжения на месте возведения насыпи. Зольный слой погребального кострища залегал на поверхности древнего пахотного го-

ризонта, следы которого в виде пересекающихся полос серого цвета отчетливо выделялись на фоне светло-желтой материковой супеси (рис. 3). Распашка производилась однозубым пахотным орудием «крест-накрест», ширина пахотных борозд (по уровню материка) — 6–8 см, глубина — не менее 4 см. Спорово-пыльцевой анализ почвы, заполнившей борозды распашки, показал присутствие пыльцы пшеницы и сорных растений (Зазовская, Бронникова, 2001, с. 199). Аналогичные следы отмечались и зафиксированы под слоями кострищ раскопанных в этой группе курганов и ранее, однако оставались непонятыми. Теперь очевидно, что часть курганов Днепровской группы была насыпана на территории прежде обрабатываемого участка, площадь которого составляла не менее 0,5 га. Находки из этих курганов представлены в основном фрагментами раннекургановых сосудов типичной для Гнёздова формы. На основании этих находок возведение курганов можно отнести ко времени не ранее середины X в. Вероятно, пашня была заброшена незадолго до этого. Отчетливые следы пахоты, а тем самым и свидетельства земледельческой деятельности жителей древнего Гнёздова хорошо дополняются находкой двух сошников на территории пойменной ча-

Рис. 1. Гнёздово. Вид на городище со стороны поймы.

сти поселения, в слое, датированном концом X—первой четвертью XI в. Орудия такой формы, происходящие из слоев Старой Ладogi и Новгорода X—XI вв., на территории Смоленского Поднепровья до сих пор известны не были (Мурашева, Нефедов, 2002). Интересные данные получены в результате анализа карпологического материала из слоев гнёздовского поселения второй половины X—начала XI в. Зерновые культуры здесь представлены пшеницей и ячменем².

Вторым важным и неожиданным результатом комплексных исследований стало обнаружение слоя погребенного дерна под курганными насыпями, визуальные возможности чего до сих пор вызывали сильные сомнения. Как известно, ведущим способом погребений в Гнёздове является кремация. Ингумации в подкурганных ямах или камерах составляют не менее 20% от всех исследованных здесь погребений. Кроме того, примерно столько же курганов не содержали никаких следов погребений — у большинства исследователей гнёздовских курганов они получили определение как «пустые». Чаше всего в основании таких насыпей отмечался лишь «слабый зольный слой» или «бледно-серый зольный слой с отдельными мелкими угольками»,

аналогичные по составу пятна встречаются и в составе песчаных насыпей на разной их глубине. Анализ палеопочвенных образцов, собранных в 1995—1996 гг. во время раскопок нескольких курганов с аналогичными «зольными кострищами» в Лесной и Центральной группах, показал, что все они являются *остатками погребенного дерна* (курсив наш), на поверхности которого и были сооружены насыпи. Не вдаваясь в детальное рассмотрение историографии вопроса о «пустых» курганах Гнёздова, позволим себе обратить внимание на мнение, высказанное в начале 1990-х гг. Ю. Э. Жарновым. Он предположил, что часть подобных курганов могла содержать ингумации в ямах, выкопанных «до сожжения ритуального костра» и контуры которых не были замечены раскопщиками (Жарнов, 1992, с. 17). Мы уверены, что во всех случаях обнаружения в 1995—1996 гг. «слабого зольного слоя» в основании раскопанных курганов могильных ям под ним не было. В то же самое время могильная яма одного из курганов Лесной группы (курган Л-193) прорезала идентичный по структуре слой, поверхность материка под которым не имела ни малейших признаков воздействия огня. Кроме того, несколько

раз было замечено, что внутренний край ровика, окружавшего тот или иной курган, как бы срезал серое гумусированное пятно. Все эти наблюдения позволяют говорить о том, что перед нами не остатки слабовыраженного зольного слоя, сохранившегося после сожжения соломы или другого легкого материала, а древний дерновый слой площадки кургана, погребенный его песчаной насыпью. Заметим, что аналогичный по структуре и цветовой характеристике образец, взятый из слоя почвы, подстилающего ярко выраженный культурный слой в восточной части селища, так же оказался частью погребенного дернового слоя. Таким образом, теперь по-новому смотрится тезис о «ритуальных кострищах» гнёздовских курганов. Редкие находки отдельных предметов на поверхности погребальной площадки под курганной насыпью при полном отсутствии других следов погребения могут оказаться остатками ингумаций, совершенных на горизонте. Во всяком случае, эти результаты полевых и лабораторных исследований Смоленской экспедиции следует в дальнейшем учитывать при рассмотрении вопроса о динамике погребального обряда в Гнёздове.

Работы на поселении сосредоточены в основном в его восточной ча-

Рис. 2. Гнёздово. Вид на пойму с городища.

сти, где продолжают раскопки селища, а в последние годы возобновлены работы и на Центральном городище (рис. 1, 8). Восточная часть поселения, расположенная на левом берегу р. Свинец, исследуется уже не один год. К сожалению, территория селища долгое время распаивалась, в результате чего культурный слой перемешан почти на всю свою толщину. Однако нам удалось обнаружить небольшие участки с менее потревоженным слоем, исследования которых позволяют говорить о системе застройки, типах построек и отопительных сооружений и т. д. Неодинаковая мощность культурного слоя и различная его насыщенность различными предметами, в первую очередь фрагментами глиняной посуды, наряду с некоторыми другими признаками указывают на изменение плотности застройки этой части селища в середине X—первой половине XI в. Неоднократные перестройки каких-то наземных и углубленных сооружений происходили в пределах исследованной на раскопе ВС-10-А-Б площади во второй половине X—начале XI в. С одной из таких наземных построек связана округлая очажная яма, плотно выложенная камнем, частично разрушившая остатки предшествующего сооружения (рис. 4).

Три аналогичных по форме и заполнению очага, но устроенные в материковых ямах, ранее были расчищены на участке, расположенном западнее и входившем в пределы отдельного усадебного комплекса, исследованного раскопками в 1971–1975 гг. Особенностью всех описанных очагов является полное отсутствие в их заполнении обломков посуды, очажные камни прокалены, но чисто выметены.

Обнаруженные на участке ВС-10-А столбовые ямы и неглубокие канавки от частоколов наместили северную и восточную(?) границы одного из древних дворов, на территории которого во время раскопок 1993 г. был найден денежно-вещевой клад 50-х гг. X в. (Пушкина, 1996). Западная и южная граница остаются неясными, из-за чего пока невозможно определить размеры этого двора. С востока к нему примыкает участок площадью около 400 м² (раскоп ВС-10-Б), культурный слой в пределах которого оказался насыщен обломками тиглей, обрезками бронзовых пластин и проволоки. Отсюда же происходит 21 из 80 известных в Гнёздове металлических скандинавских подвесок-амулетов, среди которых миниатюрные изображения щитов, кресала и кос (рис. 5). Такой концентра-

ции украшений-амулетов не наблюдалось ранее ни в одной из частей гнёздовского поселения. Наличие находок, связанных с различными этапами их изготовления, убедительно доказывают их местное происхождение. Судя по тому, что среди незавершенных изделий есть выполненные не только из железа, но и из латуни и меди, их изготовление происходило в пределах одного ограниченного участка. Несмотря на плохую сохранность культурного слоя, в процессе раскопок удалось выявить несколько ям, связанных с углубленными в материк постройками и остатками каменных очагов и находками, документирующими деятельность ювелиров, в том числе, инструментами. Примечательно, что в двух ямах незаконченные амулеты встречены вместе с отходами косторезного производства и кузнечным шлаком. Можно предположить, что обработка кости, цветного металла и изготовление тонких украшений из железа происходило в пределах одной мастерской, расположенной в жилой зоне поселения.

Отсюда же происходит находка резца лучкового сверла с двухсторонним рабочим пером. На плоский щиток инструмента надевали приводную костяную или деревянную

3

4

Рис. 3. Гнёздово. Следы пахоты под кострищным слоем кургана; Рис. 4. Очаг в яме в восточной части селища.

катушку, а на верхний заостренный черенок крепили рукоять. Аналогичный предмет в начале XX в. был найден в одном из курганов Днепровской группы (Спицын, 1905, с. 13, 52, рис. 143). На нем процарапаны руновидные знаки, что указывает на связь со скандинавским миром. Считалось, что их использовали только для обработки дерева и кости. Однако в современных руководствах по ювелирному делу и этнографических материалах можно отыскать весьма

схожие инструменты для создания восковых моделей, обработки драгоценных и полудрагоценных камней и тонких листов металла (Магуон, 1971, р. 66, fig. 62). Гнёздовские находки являются самыми ранними на территории Руси — в Новгороде Великом лучковые сверла обнаружены в слоях XII—XIII вв. (Колчин, 1959, с. 67).

Вторая интересная находка — это железный ювелирный пинцет с плоскими заостренными губами. В гнёздовской коллекции это первый инст-

румент для захвата и удерживания мелких предметов или их деталей при ковке, производстве зерни и скани и других тонких операциях, сделанный из железа. Четыре известных ранее экземпляра выполнены из бронзы.

Среди амулетов, найденных на производственном участке селища, особенно интересны заготовки нескольких маленьких кос (без отверстий) и связка из трех железных орудий (серпов или кос) (рис. 5, 1, 3, 4), нанизанных на проволочное железное кольцо, концы которого остались не завязанными. Аналогичный амулет обнаружен в переотложенном слое при прорезке вала городища (Пушкина, 1990, с. 117, 118). Миниатюрные изображения кос вырезаны из одного медного листа и, видимо, одновременно; на поверхности одной из них хорошо различается граффити в виде переплетенных треугольников — знак Одина (рис. 5, 3, 4). Судя по всему, эти дешевые амулеты из листового металла были предназначены для небогатых скандинавов (Ениосова, 2001, с. 134, 135).

Определить время существования исследованного производственного участка помогают соотношения лепной и круговой керамики, обнаруженной в слое (5% лепной и 95% круговой), находка медной монеты императора Романа I (931–944 г.), стеклянных щитковых перстней фиолетового цвета, многочисленного рубленного бисера, желтых и полосатых бус-«лимонки» — все это указывает на дату не ранее второй половины X, а может быть, и на начало XI в.

Особое значение приобрело открытие в 1996 г. на территории днепровской поймы (рис. 2) культурного слоя, перекрытого речными отложениями, мощность которых достигает 1,2 м. Аллювиальные наносы сохранили культурный слой непо потревоженным, уберегли его от распашки и других разрушающих факторов (Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001).

Стационарные работы на пойме ведутся с 1999 г. За шесть лет раскопок вскрыта площадь около 300 м² и

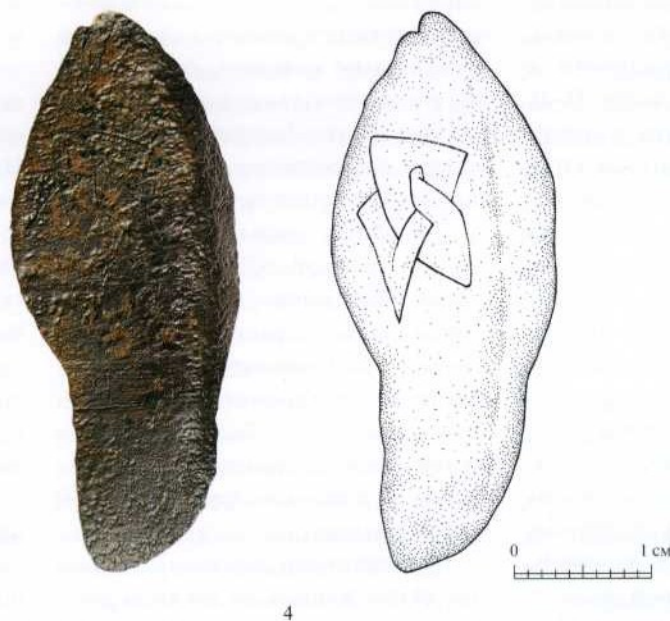

Рис. 5. Гнёздово. Находки с территории восточной части селища (раскоп ВС-10-Б)

1. Амулет в виде набора кос; 2. Бубенчик; 3. Заготовки амулетов в виде косы; 4. Заготовка амулета косы с магическим граффити.

Рис. 6. Деревянные предметы из раскопок пойменной части Гнёздовского поселения.

исследовано два совершенно различных по характеру участка. Первым был изучен переувлажненный участок с сохранившимся деревом, непосредственно примыкающий к надпойменной террасе (раскоп П-2). Прекрасно сохранившиеся культурные напластования и сложная стратиграфия позволили реконструировать историю освоения данного на первый взгляд малопригодного для жизни участка. Оказалось, что при-террасная ложбина, которая является остатком древней старицы, в гнёздовское время была постепенно засыпана песком для того, чтобы удобнее было пересекать заболоченную низинку между «верхней» частью поселения, расположенной на террасе и «нижним», пойменным участком. Однако позже на песчаной засыпке и перекрывающем ее слое оторфованного строительного мусора были возведены постройки (два строитель-

ных яруса), от которых сохранились остатки отопительного сооружения и небольшая купольная печь. Количество находок в районе сооружений относительно невелико, однако среди них можно указать три скандинавских амулета (кресаловидная подвеска и две подвески в виде миниатюрных предметов оружия).

В составе сильно переувлажненной песчаной засыпки прекрасно сохранилось дерево и были зафиксированы два настила, пересекавшие ложбину. Эти «мостики» можно считать первыми обнаруженными образцами деревянных бытовых сооружений Гнёздова (ранее были зафиксированы лишь конструкции погребальных камер).

Большая часть деревянных находок, обнаруженных во влажном песке, — это обрубки бревен и толстых веток. Среди беспорядочно расположенных фрагментов дерева был най-

ден и ряд предметов (рис. 6). «Деревянный мир» Гнёздова, конечно, пока еще весьма скромнен по сравнению с Новгородом и Старой Ладогой, однако найденные предметы несут информацию о самых разных областях жизни обитателей Гнёздова. Наиболее интересными находками можно считать дугообразный шпангоут ладьи, счетную палочку (Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001), деталь саней (копыл), фрагменты весел. Важнейшим итогом изучения при-террасного участка поселения является получение с помощью естественнонаучных методов целого ряда абсолютных дат. Удовлетворительная сохранность дерева дала уникальную для Гнёздова возможность получить образцы для проведения дендрохронологического анализа и пополнить материалы для дальнейшей работы по созданию гнёздовской дендрошкалы (Карпунин, 2001).

Рис. 7. Гнёздовский «идол». Конец X—начало XI в. Свинец, литье. Высота 2,9 см.

Вторая серия дат получена в результате радиоуглеродного анализа (исследованию подверглись образцы торфа, дерева и угли). Для некоторых образцов дерева удалось получить даты с помощью обоих методов. К сожалению, большинство образцов древесины, представленных для анализа, относилось к деревьям, имевшим небольшой биологический возраст, что существенно затрудняет процедуру дендроанализа (Карпухин, 2001, с. 206) и снижает убедительность результатов. Наиболее достоверная дата — 1002 г. — получена в результате исследования образца, имевшего значительный для нашей выборки возраст — 134 года. Данная дата подтверждается и результатами радиоуглеродного датирования и может служить опорной точкой для датировки вышележащих археологических напластований. Полученный результат представляется чрезвычай-

но важным, он позволяет утверждать, что строительство сооружений в при-террасной ложбине относится ко времени не ранее начала XI в. Эта дата вполне согласуется с хронологией бытования находок из состава двух строительных горизонтов, являясь, в свою очередь, основанием для датировки как всего набора индивидуальных находок, так и керамической коллекции. Важно отметить, что характер материала и его скандинавская составляющая остались неизменными и, таким образом, полученные в результате раскопок пойменной части поселения материалы подтверждают высказанные ранее предположения, что в начале XI в. Гнёздово продолжает функционировать в качестве раннегородского центра.

Другим важным итогом, полученным в результате исследований при-террасного участка, является получение информации об истории изме-

нения водного режима Днепра, позволившей датировать время начала формирования аллювиальных отложений периодом не ранее XVII в. На это указывают найденные на поверхности культурного слоя фрагменты печных зеленых (муравленых) поливных изразцов (Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001, с. 17). О динамике накопления речных отложений говорит находка стеклянного стакана последней четверти XIX в. на глубине 30 см от современной поверхности в нижних слоях среднего горизонта балласта. Это свидетельствует о том, что более половины речных наносов отложились за период конца XIX—XX в. Археологические данные находят подтверждение в итогах многолетних исследований почвоведов и геоморфологов, позволивших реконструировать историю изменения русла Днепра и показывающих, что в период расцвета Гнёздова оно про-

Рис. 8. Раскопки на городище Гнёздовского комплекса.

легало гораздо ближе к Центральному городищу, чем в наши дни. Исследования продемонстрировали также, что в гнёздовское время современная территория поймы функционировала в режиме первой надпойменной террасы, соответственно, надпойменная терраса являлась второй надпойменной террасой (Завовская, Бронникова, 2001, с. 197–201).

В 2001 г. были начаты работы на втором участке, также расположенном в пойме, на небольшой гривке между двух небольших старичных озер (второе — западное — старичное озеро лежит под южным склоном Центрального городища), вблизи южной границы распространения культурного слоя (раскоп П-8). В настоящее время раскопано 96 м², мощность культурного слоя невелика — 20–40 см (без учета ям), он оказался сухим, не содержащим органических остатков. Их отсутствие всегда затрудняет интерпретацию археологических объектов, поэтому для по-

лучения максимальной информации применялись различные методы: геохимический анализ почв (выполнен А. И. Якушевым, ИГЭМ РАН), биоморфный (выполнен А. А. Гольевой, ИГ РАН) и микологический (выполнен О. Е. Марфениной, ф-т почвоведения, МГУ) анализы. Близость раскопа к воде и использование грязевой помпы позволили осуществить полную промывку культурного слоя.

Состав находок говорит о том, что на этом участке располагался производственный комплекс, связанный с обработкой металлов. Наиболее ярко характеризуют производственную деятельность обилие металлических шлаков, большое количество фрагментов тиглей, ряд ремесленных инструментов, отдельные находки ремесленного брака, фрагменты литейных форм.

Стратиграфия и планиграфия участка (несмотря на небольшую мощность культурного слоя) оказалась достаточно сложной. Участок насы-

щен многочисленными сооружениями различного назначения, от которых сохранились лишь углубленные части. Результаты исследования показали, что некоторые разновременные сооружения, сменяя друг друга, наследуют единую структуру и являются не просто совокупностью последовательно сменяющихся друг друга объектов, а, по сути, постоянно подновляемым единым комплексом. Центром исследованной структуры на разных этапах ее существования являлись объекты, связанные с обработкой металла. Анализ всей совокупности материала позволяет ограничить время существования производственного комплекса на данном участке поймы промежутком от второй четверти X в. до рубежа X–XI вв.

Находки кузнечных горнов и тем более мастерских, связанных с ювелирной деятельностью, — большая редкость для эпохи викингов. Даже если наличие на том или ином памятнике ювелирного производства

документируется находками литейных форм и бракованных изделий, следы производственных мастерских могут отсутствовать (Söderberg, 2002, p. 255). Это связано, прежде всего, с тем, что выплавка цветных металлов могла происходить в небольших очажках, рассчитанных для помещения одного тигля. Идентифицировать подобное несложное сооружение как производственное можно, лишь используя специальные методики (Söderberg, 2002, p. 264). Тем интереснее объекты, обнаруженные нами на территории гнёздовской поймы — они дают представление о различных типах производственных сооружений. Ядром исследованного производственного центра на протяжении нескольких этапов жизни на данной территории оставалась кузнечная мастерская. Полученные данные позволяют проследить динамику изменения конструкции кузницы и говорить о четырех сменяющих друг друга типах сооружений.

Самый ранний объект представляет собой двухкамерную конструкцию с восьмеркообразной углубленной частью. Многочисленные шлаки указывают на связь данного сооружения с металлообработкой. Большая часть шлаков представляет собой фрагменты ошлакованной части глиняной обмазки очага, их суммарный вес не превышает 700 г. В пределах сооружения зафиксировано 2 массивных куска кузнечного шлака весом 800 г. Они представляют собой конгломерат продуктов коррозии железа, мелких углей, кальцинированных костей и глины. Они имеют выпукловогнутую форму, типичную для шлаков, образующихся на дне очага при кузнечных работах (Bachmann, 1982, p. 9, 10). Очаг, вероятно, располагался в одной из камер постройки. Вторая камера предназначалась либо для размещения мехов, либо использовалась как емкость для хранения флюсов. Подобная конструкция археологически зафиксирована в средневековом Тронхейме при раскопках мастерской середины XII в. (McLees, 1996, p. 128, fig. 10). Полное отсут-

Рис. 9. Гнёздовское селище. Шиферная модель для изготовления ременных украшений. Высота 1,7 см.

ствие фрагментов тиглей может говорить о том, что производственная деятельность была связана только с обработкой черных металлов.

На следующем этапе был сооружен горн иной конструкции. Он представлял собой чашеобразную яму, вдоль стенки которой была возведена невысокая глиняная стена, которая должна была защищать меха от высокотемпературного воздействия. Среди фрагментов обожженной глины была найдена часть сопла. Кузнечный горн подобного вида реконструирован на основе материалов из раскопок Хедебю (Westphalen, 1989, S. 79:2).

Об усложнении производственных процессов свидетельствует набор находок, связанных с металлообработкой. Если на предыдущем этапе фиксируется лишь обработка железа, о чем свидетельствуют многочисленные шлаки, то на данном этапе можно говорить о полифункциональном характере мастерской, сочетающей ювелирное дело и обработку железа, что документируется как находками тиглей и фрагментом свинцово-оловянного слитка, так и довольно многочисленными железными шлаками. Сочетание следов цвет-

ной и черной металлообработки зафиксировано в Гнёздове не впервые. Раскопки на правом берегу р. Свинец, в западной части селища, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. принесли многочисленные свидетельства совместной деятельности кузнецов и ювелиров в пределах одних и тех же производственных сооружений (Вешнякова, Булкин, 2001, с. 45).

Углубленный горн с глиняной стенкой по краю сменяется сооружением, от которого сохранилась яма-траншея (длина исследованной части составляет 560 см, ширина траншеобразной части от 100 до 160 см, глубина достигает 50 см). Форма ямы осложнена ступенькой, вырезанной в северном борту ямы, и небольшой «чашеобразной» частью, расположенной в южной точно над аналогичной частью ямы предшествующего этапа. На ступеньке располагался небольшой очажок, сложенный из камней. Подобные конструктивные особенности ранее уже фиксировались для производственных сооружений западной части Гнёздовского селища (Вешнякова, Булкин, 2001, с. 43). Очажки, сооруженные в стене ям, прослежены также в мастерских Городка на Ловати. В. М. Го-

рюнова отмечает, что такого типа сооружения отличают легкие конструкции с жердевым покрытием (Горюнова, 1988, с. 51, 52).

Наиболее интересные и хорошо сохранившиеся объекты относятся к финальному периоду существования производственного центра. Практически все сооружения на данном этапе связаны с обработкой черных и цветных металлов. Центром производственной зоны является развал большого каменного очага. В его центре зафиксирована мощная подушка прокаленной до оранжевого цвета супеси диаметром около 80 см. С востока к очагу примыкает яма правильной овальной формы с крутыми стенками и плоским дном. На дне ямы отмечен плотный сажисто-углистый слой. При разрушении очага часть камней обрушилась в яму. Под слоем рухнувших в яму камней залегает тонкая прослойка желтой супеси. Вполне вероятно, что она маркирует деревянное перекрытие ямы и является результатом «натопта». Возможно, как полагает Б. А. Колчин, этот предгорновой выем делал более удобной работу с мехами, расположенными на перекрывающем яму помосте (Колчин, 1953, с. 34). Интересно отметить, что анализ грибных сообществ из приочажной ямы продемонстрировал присутствие спор грибов, разрушающих кератин и развивающихся на шерсти, перьях, волосах и коже, — возможно, это свидетельство присутствия в этом районе кожаных мехов.

Слой, связанный с финальным этапом, изобилует находками, преобладающее количество которых связано с производственными процессами. Среди инструментов для литья доминируют тигли. Редким типом плавильного сосуда является купель — это плоскодонное блюдо диаметром 60 мм (найден его фрагмент). Форма сосуда, а также состав металла, обнаруженного на его стенках в виде мельчайших капель (серебро и свинец) позволяют утверждать, что его использовали для очистки серебра от примесей — купеляции. Считается, что находки сосудов для купеляции

среди остатков цветной металлообработки свидетельствуют об умении очищать благородные металлы и, следовательно, о высоком уровне мастерства ювелиров (Мурашева, Фетисов, Енисосова, 2003, с. 104–106).

Анализ заполнения тиглей, литейных форм слитков и выплесков металла, пластин, заготовок, полуфабрикатов и отходов производства, а также готовых изделий дает возможность получить максимально полное представление о сырьевой базе ювелиров пойменной мастерской. Помимо серебра они также использовали высокопробное золото, чистую медь, бронзу, латунь и легкоплавкие сплавы. Тем не менее специализация этой мастерской — обработка благородных металлов — очевидна.

Примечательно, что на раскопанном участке пойменной мастерской впервые зафиксирована концентрация сырьевых продуктов и производственных отходов из золота. Редчайшей находкой является миниатюрный золотой слиток (вес 3,1 г) очень высокой пробы со следами ударов ювелирного молоточка. Практически аналогичный слиток найден в 2003 году на Центральном гнёздовском городище. Несмотря на то что золотые слитки встречаются иногда в составе кладов эпохи викингов, на поселении в производственном контексте прежде был известен лишь один экземпляр из Хедебю (Armbruster, 2002, S. 132, 133, Abb. 1, 2).

Отдельные детали позволяют выдвинуть гипотезу относительно ассортимента продукции мастерской. Есть основания предполагать, что исследованная мастерская связана со скандинавской производственной традицией. Об этом свидетельствуют найденные свинцовые гирьки (подобные гирьки различной формы часто встречаются в контексте аристократических мастерских Скандинавии эпохи викингов — см. Owen, 1999, p. 118–126), два обломка глиняных литейных форм для отливки овальных фибул, а также фрагмент рубчатой («бусинной») проволоки, изготовленной с помощью специаль-

ного инструмента — органариума и часто использовавшейся в скандинавских ювелирных украшениях. В пределах мастерской найдены также предметы очевидного скандинавского происхождения — это кресаловидная подвеска-амулет, пряжка, украшенная в стиле Борре. Самой яркой находкой является небольшая антропоморфная фигурка из свинца — гнёздовский «идол». Точные аналоги ей неизвестны, однако ряд черт указывает, вероятно, на ее северное происхождение (рис. 7).

Однако скандинавская составляющая не исчерпывает характеристику мастерской. Важнейшей находкой в контексте исследования производственных традиций является еще один инструмент мастера-литейщика — первоначальная модель для изготовления ременных бляшек (рис. 9). Модель является находкой уникальной, она изготовлена из розового шифера и воспроизводит ременную сердцевидную бляшку с каплевидными выступами по краю. Бляшки подобного облика относятся к волжско-болгарской традиции (Мурашева, 2000, с. 26, 27). Первоначальная модель использовалась в качестве штампа, который многократно оттискивался в глину для получения одной из створок литейной формы.

Еще одним свидетельством изготовления в пойменной мастерской ременных украшений волжско-болгарской традиции может являться небольшая бляшка от сумки с прямыми, не загнутыми штифтами, что свидетельствует о том, что она еще не была закреплена на готовом изделии.

Таким образом, у нас есть все основания считать, что в мастерской изготавливались предметы в рамках различных, весьма далеких друг от друга ремесленных традиций. Можно, однако, полагать, что механизм появления этих традиций различен. Весь контекст памятников, аналогичных Гнёздову (Рюриково Городище, Старая Ладога и др.) говорит о том, что в составе скандинавских переселенцев были и ремесленники. Они работали в рамках своих тради-

Рис. 10. Гнёздовское селище. Шарнирные ножницы с арабской надписью. Длина 11,5 см.

Рис. 11. Гнёздовское селище. Клад 1993 г. Серьги волынского типа с геометрическим скано-зерненым орнаментом. Серебро, золочение, скань, зернь. X в. Волянь.

Рис. 12. Гнёздовский Клад 1993 г. Лунницы с геометрическим скано-зерненым орнаментом.
Серебро, скань, зернь, X—XI вв.

Рис. 13. Гнёздовский клад 1993 г. Подвеска скандинавского типа с отверстием в центре. Серебро, литье, золочение. X–XI вв.

ций и обслуживали соотечественников (Ениосова, 2001, с. 90, 91). Говорить же о массовых переселениях в Верхнее Поднепровье населения из Волжской Болгарии у нас нет никаких оснований. Находки в районе пойменной мастерской позволяют говорить не только об импорте вещей, но и об импорте ремесленных традиций (их механизмы мы в данном случае не рассматриваем).

Среди находок, не связанных с инструментарием ремесленников, хочется отметить первый в Гнёздове (не считая монет) предмет с арабской надписью — это шарнирные ножницы (рис. 10). Надпись на ручке читается как «аллах» (прочтение А. В. Фомина, отдел нумизматики ГИМ), ряд деталей позволяет предполагать, что она нанесена при изготовлении предмета. Шарнирные ножницы на территории Восточной и Северной Европы в IX–XI вв. были гораздо менее распространены, чем пружинные. Еще В. И. Сизов предполагал, что «пропаганда этого рода ножниц была

делом арабов» (Сизов, 1902, с. 56). Находка в Гнёздове ножниц с куфической надписью — прекрасное подтверждение предположения В. И. Сизова об арабском происхождении этого вида изделий на территории Восточной Европы.

Таким образом, из года в год исследования Гнёздова приносят новые, иногда неожиданные материалы, подтверждая надежды на результативность планомерных комплексных работ по изучению этого интересного памятника. Памятника, непоправимый урон которому наносят хищнические грабительские раскопки, особенно активно развернувшиеся в последние годы.

Одним из наиболее интересных открытий, сделанных в ходе работ экспедиции, был клад (рис. 11–13), найденный на территории селища в 1993 г. Важно то, что вещи были обнаружены в процессе археологических раскопок, что позволило максимально точно зафиксировать контекст находки и собрать комплекс

целиком. Этот клад стал третьим по счету среди найденных сотрудниками экспедиции.

Клад найден в неглубокой, видимо, специально для него вырытой ямке, верхняя часть заполнения которой оказалась потревоженной в ходе пахотных работ во второй половине XX в. Вся находка состояла из 369 целых предметов и небольшого количества расслоившихся стеклянных бус. Серебряные украшения, ременные кольца, несколько железных гирек и восточные монеты были плотно уложены и, вероятно, завернуты в бересту, от которой сохранилось несколько обрывков. Среди вещей отмечены мелкие кусочки кожи (остатки сумки?), а на некоторых монетах — отпечатки текстиля.

Анализ вещевого состава клада позволил вписать его в круг немногочисленных, но очень выразительных древнерусских кладов X–рубежа XI в., для которых характерны легкие тисненные серебряные украшения с зернью и сканью. Большинство

аналогий найденным в Гнёздовском кладе зерненым украшениям известно по находкам на территории Воыни. В связи с этим в первую очередь обращают на себя внимание несколько так называемых колец воынского

типа, которые до сих пор не были известны в Поднепровье. Клад можно рассматривать как некую сознательно отобранную группу используемых украшений, деталей костюма и быта, которые, представляя определенную

ценность для их владельцев, были спрятаны ввиду грозящей опасности. Время сокрытия клада условно определяется по датам младших монет из его монетного состава — это 50-е гг. X в.

¹ Полевые исследования Смоленской археологической экспедиции в течение ряда лет ведутся при поддержке РГНФ. Активное участие в этих работах приняли С. А. Авдусина, С. Ю. Каинов, И. В. Кураев, Н. Н. Малышева, В. С. Нефёдов,

С. А. Рузанова, И. Г. Сарачев, А. А. Фетисов.

² Образцы определены Н. А. Кирьяновой, любезно ознакомившей нас с предварительными результатами ее наблюдений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вешнякова К. В., Булкин В. А., 2001. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Горюнова В. М., 1988. Ремесленные комплексы (X—нач. XI в.) Городка на Ловати // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Секция 3. Киев. Т. 2.

Ениосова Н. В., 2001. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Ениосова Н. В., 2001. О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнёздове // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Архангельск.

Жарнов Ю. Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Завоевская Э. П., Бронникова М. А., 2001. Палеоландшафты Гнёздова: реконструкции, перспективы исследования // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Карпунин А. А., 2001. Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок в Гнёздове // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. № 32.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X—XIII вв.). М.

Мурашева В. В., Нефёдов В. С., 2002. Сошники из Гнёздова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 16.

Мурашева В. В., Фетисов А. А., Ениосова Н. В., 2003. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнёз-

довского поселения // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.

Пушкина Т. А., 1990. Три амулета из Гнёздова // Проблемы археологии Евразии. М.

Пушкина Т. А., 1996. Новый гнёздовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М.

Пушкина Т. А., 2001. Гнёздово: итоги и задачи исследования // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Нефёдов В. С., 2001. Новое в изучении Центрального селища в Гнёздове // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Спицын А. А., 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. СПб. Вып. 15.

Armbruster B., 2002. Goldschmiede in Haithabu — Ein Beitrag zum frümittelalterlichen Metallhandwerk // Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Neumünster.

Bachmann H.-G., 1982. The identification of slags from archaeological finds // Occasional Publication of Institute Archaeology, University of London. L. No. 6.

Marion H., 1971. Metalwork and Enameling. N.Y.

McLees C., 1996. Itinerant craftsmen, permanent smithies and the archaeobishop's mint: the character and context of metalworking in medieval Troncheim // The Journal of the Historical Metallurgy Society. L. Vol. 30, No. 2.

Owen O., 1999. The lead bullion weights // Scar. A Viking Boat Burial on Sanday, Orkney. East Liton.

Söderberg A., 2002. Metalliska spar efter gjuteriverksamhet — en skiss till en arkeologisk fältmetod // Fornvännen, 97.

Westphalen P., 1989. Die Eisenschlacken von Haithabu // Bericht über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 26. Neumünster.